

МИЛЕТСКАЯ ШКОЛА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ

В. В. БРОВКИН

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)
vbrovkin1980@gmail.com

VLADIMIR BROVKIN

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

THE MILESIAN SCHOOL AND POLITICAL ACTIVITY

ABSTRACT. The article reconstructs the political views of the Milesians on the basis of biographical data and socio-historical context. It has been established that there is a democratic orientation in the activities of Thales, Anaximander and Hecataeus. Representatives of the Milesian School are characterized by active participation in socio-political activities, a critical attitude towards tyranny, a desire for political virtue, public discussion of state affairs, a combination of contemplative and active life, and polis patriotism. It is shown that all these values were most characteristic of ancient Greek democracy during its heyday. It is concluded that no matter what narrow party interests the representatives of the Milesian School defended, their political activities reflected those trends that were associated with the formation of democracy in the late Archaic period.

KEYWORDS: Thales, Anaximander, Hecataeus, political activity, democratic values, historical reconstruction.

Введение

В данной статье мы рассмотрим вопрос о политических представлениях Фалеса Милетского и его учеников. Представителей Милетской школы традиционно рассматривают в качестве тех мыслителей, которые внесли существенный вклад в развитие философии природы, математики и астрономии. Уже в Античности сложилась традиция, представляющая Фалеса и его последователей сторонниками спекулятивного научно-философского знания. Как отмечает Аристотель, «мудрость (*σοφία*) – это и научное знание, и постижение умом вещей по природе наиболее ценных» (*Eth. Nic.* VI, 1141 b 2–4) (здесь и далее пер. Н. В. Брагинской). Поэтому, согласно Аристотелю:

«Анаксагора и Фалеса и им подобных признают мудрыми (σοφοί), а рассудительными (φρόνιμοι) нет, так как видно, что своя собственная польза им неведома, и признают, что знают они [предметы] совершенные, достойные удивления, сложные и божественные, однако бесполезные, потому что человеческое благо они не исследуют» (*Eth. Nic.* VI, 1141 b 4–8).

Аристотеля дополняет Плутарх, который говорит о том, что только Фалес из числа всех известных в его время мудрецов пошел дальше политической деятельности и устремился к созерцанию природы:

«Фалес был тогда единственным ученым (μόνου σοφία), который в своих исследованиях (θεωρία) пошел дальше того, что нужно было для практических потребностей; все остальные получили название ученых за свое искусство в государственных делах (πολιτικῆς ἀρετῆς)» (*Sol.* III, 5) (здесь пер. С. И. Соболевского).

Однако, имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют об активной политической деятельности представителей Милетской школы. Данное обстоятельство позволяет нам сделать предположение о наличии у Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена определенных политических взглядов, которые зачастую ускользают от внимания исследователей. Как известно, изучение философии досократиков зачастую упирается в проблему отсутствия необходимых источников. Решение данной проблемы мы видим в осуществлении реконструкции политических взглядов милетцев на основе биографических данных и социально-исторического контекста.

Дополнительную актуальность тема исследования приобретает в связи со слабой степенью ее изученности. Многие исследователи обращают внимание на активную общественно-политическую деятельность милетцев. Так, У. К. Ч. Гатри высказывает мнение о том, что «не вызывает сомнения, что Анаксимандр, как и Фалес, принимал активное участие в общественной жизни своего города» (Гатри 2015, 180). Т. А. Синклер сомневается в том, что милетцы внесли сколько-нибудь значимый вклад в формирование политической мысли. Согласно Т. А. Синклеру, «какими бы интересными ни были семантические изменения ἀρχή, ἀρχεσθαι и остальных» понятий в философии досократиков, «они не дают нам никакого ключа к пониманию какой-либо связи между физическим и политическим» (Sinclair 1967, 26). К концу VI в. до н. э. лишь Пифагор и Гераклит «думали о проблемах политической жизни и поэтому должны занять свое место наряду с Солоном и другими мудрецами и поэтами в качестве поставщиков политической мысли» (*ibid.* 26). Как полагает К. А. Рафлауб, представители Милетской школы «в первую очередь интересовались не человеческим обществом и политическими явлениями, а

миром и природой (*phusis*) в целом» (Raaflaub 2008, 49). Политика еще не выделилась в качестве отдельной дисциплины. Человек был частью природы, подчиняющийся ее законам. И, наоборот, «естественные процессы можно было понять и объяснить, применяя отношения и правила, наблюдаемые в человеческом обществе» (ibid. 49). М. Р. Райт отмечает, что в известном высказывании Анаксимандра используется политический «словарь справедливости, несправедливости и возмещения ущерба» для объяснения космического порядка (Wright 1988, 89). Согласно М. Р. Райт, у досократиков политический язык был еще не очень развит и был языком метафор.

Дж. Энгманн полагает, что Анаксимандр придерживался концепции справедливости, основанной на имущественном неравенстве между аристократией и демосом. Имущественное равенство «не входит в концепцию справедливости Анаксимандра», что вполне естественно, поскольку, «демократия при его жизни только зарождалась и связанные с ней новые концепции справедливости касались политического, а не экономического равенства» (Engmann 1991, 25). Согласно Дж. Энгманну, в описании Анаксимандром взаимодействия стихий и взаимной несправедливости проявилось стремление к сохранению старого социального порядка во главе с аристократией. Г. Властос, наоборот, придерживается версии о демократическом характере философского учения Анаксимандра. Согласно Г. Властосу, Анаксимандр «предпочитает рассматривать природу как саморегулирующееся равновесие, систему, “справедливость” которой поддерживается внутренним равновесием ее компонентов, а не вмешательством какой-либо высшей внешней силы» (Vlastos 1996, 108). В основе решения проблемы космической справедливости у Анаксимандра лежит понятие политической справедливости, которое принципиально отличается как от аристократической справедливости полиса Гесиода, так и от монархической справедливости пантеона Гесиода. Данному понятию «по существу соответствует *Isonomia*, поскольку она предполагает, что единственным надежным хранителем справедливости в обществе является равное распределение власти между его членами» (Ibid, p. 108).

Фалес, Анаксимандр, Анаксимен

Основателем Милетской школы считается Фалес. С именем этого философа связано одно затруднение, которое имеет непосредственное отношение к нашему исследованию. Дело в том, что о Фалесе античные авторы сообщают во многом противоречивые сведения. Они касаются вопроса об образе жизни философа. Так, согласно одним источникам, Фалес занимался не только умозрительной деятельностью, но и государственными делами. Дру-

гие авторы акцентируют внимание на созерцательной жизни Фалеса, посвященной исключительно исследованию природы. О Фалесе как приверженце созерцательной жизни сообщают Гераклид Понтийский, Платон, Аристотель. Согласно Гераклиду Понтийскому, Фалес «жил в уединении простым гражданином (ἰδιωστὴν)» (Diog. Laert. I, 25) (здесь и далее пер. М. Л. Гаспарова). Более того, даже сообщается о том, что Фалес был неженатым и не имел детей, что в древнегреческом обществе считалось пренебрежением к гражданским обязанностям.

Как мы отметили выше, о том, что Фалес вел созерцательную жизнь и избегал активной общественно-политической деятельности, сообщает Аристотель. В диалоге Платона «Теэтет», Сократ называет Фалеса максимально оторванным от практической деятельности философом. О таких как Фалес Сократ говорит следующее:

«Эти же с ранней юности не знают дороги ни на агору, ни в суд, ни в Совет, ни в любое другое общественное собрание. Законов и постановлений, устных и письменных, они в глаза не видали и слухом не слышали. Они не стремятся вступить в товарищества для получения должностей, сходки и пиры и ночные шествия с флейтистами даже и во сне им не могут присниться» (Tht. 173 d) (пер. Т. В. Васильевой).

Как отмечает Сократ, история о засмотревшемся на звезды и упавшем из-за этого в колодезь Фалесе связана как раз с его устремленностью к созерцательной жизни. В диалоге Платона «Гиппий больший» Сократ также заявляет о том, что Фалес и его последователи «по-видимому, держались в стороне от государственных дел (ἀπεχόμενοι τῶν πολιτικῶν πράξεων)» (Hp. mai. 281 c) (пер. А. В. Болдырева). В то же время у Платона можно обнаружить и другое сообщение о Фалесе. В «Государстве» Сократ, критикуя Гомера за его неучастие в общественно-политической жизни, противопоставляет ему в том числе и Фалеса. Сократ задает риторический вопрос:

«А рассказывают ли о разных замысловатых изобретениях – в искусствах или других родах деятельности (τέχνας ἢ τινὰς ἄλλας πράξεις), – где Гомер выказал бы себя искусным на деле, как люди передают о милетце Фалесе <...>?» (Resp. X 600a) (пер. А. Н. Егунова).

Если говорить об участии Фалеса в государственных делах, то об этом сообщают Элиан, Диоген Лаэртский, Дикеарх. Как передает Диоген Лаэртский о Фалесе, «отойдя от государственных дел, он обратился к умозрению природы» (Diog. Laert. I, 23). Еще более односторонней версии о семи мудрецах

придерживается Дикеарх: «Они не были ни мудрецами, ни философами, а просто умными людьми и законодателями (νομοθετικοὺς)» (Diog. Laert. I, 40). Согласно Элиану, Фалес относится к числу тех философов, которые также занимались государственной деятельностью, а не только вели созерцательную жизнь. В частности, по мнению Элиана, Фалес принес «великую пользу Ионии» (VN III, 17) (здесь и далее пер. С. В. Поляковой). Интересные сведения сообщает Фемистий:

«Так, до Фалеса Милетского [т. е. Фалеса как философа] ходили по устам немногие изречения (ρήματα) самого Фалеса [как мудреца] и других мудрецов (σοφῶν), коими и поныне исписаны стены и писчие дощечки, изречения полезные и содержащие изрядный смысл, даже максимум смысла, выразимого в двух словах, но все же бездоказательные, похожие на приказ и назидające лишь в малой толке добродетели (ἀρετῆς)» (здесь и далее пер. А. В. Лебедева, Фалес, А 9 DK).

Но впоследствии Фалес, «уже под старость (γήρα), впервые занялся природой (φύσεως)» (А 9). Версия о том, что Фалес имел некоторое отношение к общественно-политической деятельности и обратился к изучению природы только в старости, могла бы выглядеть убедительной, если бы не сообщения о предсказании Фалесом затмения в год крупного сражения между лидийцами и мидянами (Hdt. I, 74; Clem. Al. Strom. I, 65; Cic. Div. I, XLIX, 112). Эта битва произошла задолго до старости Фалеса. Следовательно, можно предположить, что Фалес занимался изучением природы на протяжении многих лет своей жизни.

В то же время версия об участии Фалеса в политической деятельности не может быть отброшена, поскольку в ее пользу говорит еще несколько источников. Согласно Геродоту, Фалес дал ценный совет ионянам:

«Он предложил ионянам построить один общий дом для совещаний, именно на Теосе, так как Теос лежит в середине Ионии. Отдельные города тем не менее должны были сохранить самостоятельность, но только как местные общины» (Hdt. I, 170) (здесь и далее пер. Г. А. Стратановского).

Этот совет, как пишет Геродот, Фалес дал еще до завоевания Ионии персами. Вероятно, суть данного совета заключалась в укреплении Ионийского союза. В еще одном сообщении, которое передает Геродот, Фалес оказывает ценную услугу лидийскому царю Крезу. Во время похода Креза против персов лидийская армия оказалась в затруднительном положении, не имея возможности переправить войско через реку. На помощь пришел Фалес, который смог разделить реку на два рукава, что способствовало переправе войска

(Hdt. I, 75). При этом Геродот добавляет, что версия о переправе войска Креза при содействии Фалеса является не единственной и лично он склоняется к более простой версии о переправе войска через мост. Об участии Фалеса в политике сообщает Диоген Лаэртский. Отмечается, что Фалес «и в государственных делах (πολιτικοῖς) был наилучшим советчиком (ἄριστα βεβουλευέσθαι)» (Diog. Laert. I, 25). Так, якобы, «когда Крез пригласил милетян к союзу, Фалес этому воспротивился и тем самым спас город после победы Кира» (Diog. Laert. I, 25). У нас нет уверенности в данном сообщении. Однако, согласно Геродоту, во время завоевания Ионии персами Милету действительно удалось заключить мир с Киrom и тем самым обезопасить себя от нашествия (Hdt. I, 169).

Мы полагаем, что некоторые сообщения о политической деятельности Фалеса выглядят недостаточно убедительными и достоверными. Но это не значит, что мы поддерживаем версию об отстраненности Фалеса от общественно-политической жизни. Если обобщить все сведения о жизни Фалеса, то напрашивается вывод о том, что он уделял внимание самым разным вопросам. Сложно согласиться с мнением о том, что Фалес был приверженцем исключительно созерцательного образа жизни. Да, возможно изучение природы было главным делом в его жизни. Но при этом, у него имелся немалый интерес и к общественно-политической проблематике. Помимо тех сведений, которые мы уже рассмотрели, на это косвенно указывают сообщения об отношении Фалеса к законности и тирании. Несмотря на то, что Фалес считался другом тирана Милета Фрасибула, его отношение к тирании, вероятно, было негативным. Так, на вопрос «что он видел небывалого?», Фалес ответил – «тирана в старости (γέροντα τύραννον)» (Diog. Laert. I, 36). Судя по всему, Фалес имел в виду то, что тираны в силу порочной природы своей власти редко доживают до старости. О приверженности Фалеса принципу законности свидетельствуют фрагменты, в которых он утверждает, что от богов невозможно скрыть не только дурное дело, но «даже дурное помышление», а также, что «прелюбодеяние не лучше клятвопреступления (μοιχείας ἐπιπορκία)» (Diog. Laert. I, 36). Таким образом, все это говорит не только о вовлеченности Фалеса в политические дела, но и об определенных политических ценностях, которые он разделял. К их числу можно отнести служение на благо родного полиса, политическую активность, благоразумие в вопросах государственного управления, критическое отношение к тирании.

В случае с учеником Фалеса Анаксимандром можно с уверенностью сказать, что он был сторонником такой ценности, как активное участие в государственных делах. Элиан приводит Анаксимандра в качестве одного из тех философов, которые «пеклись о нуждах государства (ἐπολιτεύσαντο), а не

жили отрешенными от подобных забот мудрецами» (VH III, 17). Согласно Элиану, «Анаксимандр вывел поселенцев из Милета в Аполлонию» (VH III, 17). В архаический период древнегреческой истории Милет был одним из центров колониальной активности. Жителями Милета было основано большое количество колоний. Поэтому нет ничего удивительного в сообщении о том, что одну из колониальных экспедиций возглавлял Анаксимандр. Более интересной деталью, на наш взгляд, является то, что Анаксимандр считается одним из первых географов. Как сообщает Страбон, именно Анаксимандр «первым выпустил в свет географическую карту (γεωγραφικὸν πλῆμα)» (Geogr. I, 1, 11). И здесь необходимо сказать о том, что география в Античности многими рассматривалась в качестве важной науки для политической деятельности. Именно об этом говорит Страбон: «Большая часть географии служит нуждам государства, ибо арена деятельности государств – земля и море – местообитание человека» (Geogr. I, 1, 16) (здесь и далее пер. Г. А. Стратановского).

Политикам необходимо знать географию, поскольку от этого во многом зависит успех в их деятельности. Как пишет Страбон, «польза географии еще более очевидна в великих предприятиях, поскольку и награды за победы, и расплата за поражения, которые являются результатом знания или невежества, еще более велики» (Geogr. I, 1, 17). Страбон отмечает, что поскольку география служит на пользу правителей, то она имеет даже «некоторое преимущество по сравнению с политической философией (πολιτικὴ φιλοσοφία)» (Geogr. I, 1, 18). Это преимущество во многом связано с практической жизнью. Страбон усматривает прямую связь между интересом к географии и политической деятельностью. Успешная государственная деятельность предполагает хорошее знание географии. Мы полагаем, что изучение Анаксимандром географии могло носить не только научный, но и вполне практический характер. Серьезный интерес Анаксимандра к этой науке не в последнюю очередь мог быть обусловлен его деятельностью на политическом поприще. Успехи Анаксимандра в географии могли быть связаны с необходимостью участвовать в освоении новых территорий и основании колоний.

Говоря о политических взглядах третьего представителя Милетской школы Анаксимена, можно отметить лишь несколько деталей. Диоген Лаэртский в жизнеописании Анаксимена приводит его два письма Пифагору, которые вероятно являются подложными. Тем не менее, мы полагаем, что эти письма могут в некоторой степени отражать взгляды Анаксимена. Это касается в основном второго письма, в котором приводятся сведения, отчасти подтверждаемые другими источниками. Автор этого письма отмечает благоразумие Пифагора, который переехал из Самоса в Кротон и ведет спокойную жизнь. И далее говорит:

«А здесь Эакиды творят несчетные злодеяния; милетян не выпускают из-под власти их тираны; и мидийский царь грозит нам бедой, если мы не пожелаем платить ему дань. Ионяне собираются подняться на мидийцев войною за общую свою свободу; и когда это произойдет, у нас не останется никакой надежды на спасение. Как же помышлять Анаксимену о делах небесных, когда приходится страшиться гибели или рабства?» (Diog. Laert. II, 5).

Вероятно, под династией Эакидов имеется в виду тиран Самоса Поликрат, который в это время держал в страхе островных и малоазийских греков, совершая на них набеги. Согласно Геродоту, даже Милет не избежал войны с Поликратом (Hdt. III, 39). Также известно, что в годы жизни Анаксимена Милет «раздирали тяжелые внутренние противоречия», в результате чего «тираноподобную власть смогли на короткое время установить Фоас и Дамасенор» (Берве 1997, 130). Таким образом, содержание письма вполне может соответствовать взглядам и настроению Анаксимена. Нет ничего удивительного в том, что Анаксимен мог испытывать негативное отношение к тирании и серьезную обеспокоенность политической обстановкой.

Гекатей

Мы полагаем, что рассмотрение вопроса о политических взглядах милетцев будет неполным без обращения к такой фигуре как Гекатей. Данный персонаж известен прежде всего как один из родоначальников истории и географии. Сообщается, что он является автором таких сочинений как «История» (ἱστορία) и «Землеописание» (γεωγραφία). Но, на наш взгляд, Гекатея можно рассматривать также в качестве философа. В пользу этого говорят свидетельства Стобея и Страбона. Согласно первому, Гекатей считает «солнце умным воспламенением из моря» (пер. А. В. Лебедева, 13а Гекатей Милетский, F 302). вполне вероятно, интересы Гекатея распространялись не только на историю и географию, но и на естествознание. Страбон же причисляет Гекатея к философам на том основании, что все известные географы были философами: «Я считаю, что наука география, <...>, так же как и всякая другая наука, входит в круг занятий философа (φιλοσόφου πράγματείας)» (Geogr. I, 1, 1). Согласно Страбону, все географы – как первые, в том числе Гекатей, так и последующие – были «в некотором смысле философами» (Geogr. I, 1, 1).

Сведения о Гекатее, сообщаемые Геродотом и Диодором Сицилийским способны расширить наши представления о политических взглядах философов из Милета. Согласно источникам, Гекатей сыграл заметную роль в собы-

тиях, связанных с Ионийским восстанием (499–493 до н. э.). Это было крупное восстание ионийских греков против господства персов. Как сообщает Геродот, поднять восстание против Персии задумали бывший и действующий тираны Милета Гистией и Аристагор. Отмечается, что Гекатей был единственным, кто не поддержал это предложение:

«Аристагор собрал своих приверженцев на совет, изложил им свой замысел и рассказал о предложении Гистиея. Все остальные [присутствующие] соглашались с ним и советовали начать восстание. Только один логограф Гекатей был вообще против войны с персидским царем» (Hdt. V, 36).

Главным аргументом против восстания Гекатей считал неравенство сил: «При этом Гекатей сначала перечислил все подвластные Дарию народности и указал на персидскую военную мощь». (Hdt. V, 36). Как мы видим, позиция Гекатея в вопросе о восстании выглядела достаточно взвешенной и разумной. Однако, доводы Гекатея не нашли поддержки в совете. Несмотря на это, Гекатей не ушел в глухую оппозицию и попытался предложить вариант действий, наименее проигрышный в военных условиях:

«Затем, когда ему не удалось убедить совет, он предложил добиться по крайней мере хотя бы господства на море. По его словам, он не видит иной возможности успеха, так как ему прекрасно известна слабость военной силы милетян, как только взять из святилища в Бранхидах сокровища – посвятительные дары царя Креза. Тогда-то, он совершенно уверен, Милет добьется господства на море, и таким образом и сокровища будут в их руках, и враги не смогут их разграбить» (Hdt. V, 36).

Согласно Геродоту, этот совет жители Милета также отклонили и все равно решили начать восстание. После первых поражений от персов в Милете состоялось обсуждение вопроса о дальнейших действиях. И здесь вновь отличился Гекатей, предложив «построить крепость на острове Леросе и в случае изгнания спокойно сидеть там», а впоследствии возвратиться в Милет (Hdt. V, 125). Но, как и прежде, совет Гекатея не был поддержан. Предложение же Аристагора о переселении в колонию во Фракии было поддержано. Однако данный поход обернулся провалом и смертью Аристагора.

В позиции Гекатея по вопросу о восстании, на наш взгляд, просматривается приверженность таким политическим добродетелям как полисный патриотизм и политическое благоразумие. Судя по всему, Гекатей не видел острой необходимости в восстании против персов. Вероятно, Гекатей смот-

рел на подготовку к восстанию как на военно-политическую авантюру Гистиея и Аристагора. С этой точки зрения, удовлетворение собственных политических амбиций последними прямо угрожало безопасному и мирному существованию ионийских греков. В пользу версии о том, что в деятельности Гистиея и Аристагора проявились тщеславие и личные амбиции, можно привести следующие аргументы. До того, как поднять восстание в Ионии, Гистией и Аристагор верно служили персидскому царю Дарию. Далее, незадолго до восстания Аристагор совершил неудачный поход против Наксоса. Аристагор хотел свергнуть демократическое устройство Наксоса и вернуть к власти беглых аристократов. Но уже после начала восстания против персов Аристагор активно устанавливал демократию в полисах Ионии, надеясь на их помощь в войне. Наконец, участие Гистиея в подавлении восстания характеризовалось двойной игрой, за что он в конечном итоге и поплатился. С данными сведениями согласуется мнение Фукидида:

«Все тираны, сколько их ни было в эллинских городах, управляли только в своих личных интересах (ἐφ' ἑαυτῶν μόνον προορώμενοι): их политика сводилась, в сущности, к заботам о собственной особе, своем доме и к укреплению его положения, они не совершили ничего значительного, и каждый только воевал со своими соседями. Только в Сицилии тираны достигли большого могущества». (Thuc. I, 17, 1) (здесь и далее пер. Г. А. Стратановского).

Еще одно свидетельство стремления Гекатея к разумным решениям в политической деятельности и защите государственных интересов можно обнаружить у Диодора Сицилийского. Сообщается, что Гекатей принял участие в переговорах с сатрапом Лидии Артаферном:

«Гекатей Милетский, отправленный послом ионянами, спросил, по какой причине Артаферн не доверяет им. Тот ответил, что, возможно, [ионяне] будут злопамятны из-за того, что пострадали, потерпев поражение. “Но если страдание вызывает недоверие”, сказал [Гекатей], “то благодеяния сделают города [ионян] благорасположенными к персам”. Приняв сказанное [во внимание], Артаферн возвратил городам законы и распорядился о [строго] установленных податях [в соответствии] с возможностями [каждого] из них» (Diod. Sic. X. 25, 4) (пер. О. П. Цыбенко).

Если отталкиваться от сообщения Геродота о жестоком подавлении Ионийского восстания с разрушением Милета и порабощением восставших греков, то сведения Диодора Сицилийского могут показаться сомнительными.

Более того, можно предположить, что Геродот в своей «Истории» опирался на Гекатея, который в свою очередь мог представить Ионийское восстание в выгодном для себя свете. В таком случае, исключительно положительный образ Гекатея мог быть результатом его версии данных исторических событий. С другой стороны, нельзя исключить того, что переговоры между Гекатеем и Артаферном состоялись уже после подавления восстания и касались дальнейшей судьбы ионийских греков. В таком случае, вполне можно допустить достоверность информации, сообщаемой Диодором Сицилийским. Тем более, что это подтверждается другим сообщением Геродота, в котором упоминается о весьма мягком обхождении Артаферна с ионийскими греками после подавления восстания. Согласно Геродоту, Артаферн прекратил усобицы между ионийскими полисами и установил подати, которые почти не превышали их размер до восстания (Hdt. VI, 42).

С окончанием Ионийского восстания связана еще одна деталь, которая способна немного пролить свет на политические взгляды Гекатея. Как передает Геродот, после подавления восстания главный персидский военачальник Мардоний «низложил всех ионийских тиранов и установил в городах демократическое правление (δημοκρατίας)» (Hdt. VI, 43). Если отталкиваться от сведений о расхождении во взглядах между Гекатеем и тиранами Милета Аристагором и Гистиеем, а также о свержении тирании в ионийских полисах после переговоров Гекатея с персами, то можно предположить о наличии у него антитиранических взглядов. Независимо от того, как относиться к сообщениям Диодора Сицилийского и Геродота, нельзя не признать, что у нас нет серьезных оснований сомневаться в версии о политической деятельности Гекатея. И самое важное заключается в том, что в этой деятельности отразились те политические ценности, которые красной нитью будут проходить через всю политическую философию Античности. Речь идет о политической добродетели – активном участии в государственных делах, полисном патриотизме, принятии взвешенных и разумных политических решений.

Демократические ценности

В заключительной части статьи мы постараемся доказать, что политические ценности, проявившиеся в деятельности Фалеса, Анаксимандра и Гекатея, носят демократический характер. С этой целью обратимся к рассмотрению тех источников, которые могут дать наилучшее представление о демократических ценностях в Древней Греции. В первую очередь рассмотрим надгробную речь Перикла, которую приводит Фукидид. Перикл заявляет о том, что поскольку Афинами «управляет не горсть людей (ὀλίγους), а большинство

народа (πλείονας), то наш государственный строй называется народоправством (δημοκρατία)» (Thuc. II, 37, 1). Все граждане обладают равными правами. Государственные должности занимают наиболее достойные граждане: «На почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-нибудь отличился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести (ἀρετῆς)» (Thuc. II, 37, 1). Важной чертой государственного устройства Афин Перикл называет господство закона: «В общественной жизни не нарушаем законов, главным образом из уважения к ним и повинuemся властям и законам, <...>, а также законам неписанным, нарушение которых все считают постыдным» (Thuc. II, 37, 3). Особый акцент Перикла на уважении граждан перед законами, на наш взгляд, свидетельствует о том, что демократический строй Афин в начале Пелопоннесской войны еще не подвергся тем процессам, которые в дальнейшем приведут его к радикализации и упадку.

Еще одной особенностью демократического строя Афин Перикл называет то, в чем можно усмотреть сочетание созерцательной жизни и политической деятельности: «Мы развиваем нашу склонность к прекрасному (φιλοκαλοῦμέν) без расточительности и предаемся наукам (φιλοσοφοῦμεν) не в ущерб силе духа» (Thuc. II, 40, 1). Как мы полагаем, одной из самых важных демократических ценностей, о которых говорит Перикл, является активное участие в государственных делах. В речи Перикла об этом говорится следующим образом:

«Одни и те же люди у нас одновременно бывают заняты делами и частными, и общественными. Однако и остальные граждане, несмотря на то, что каждый занят своим ремеслом, также хорошо разбираются в политике (πολιτικά). Ведь только мы одни признаем человека, не занимающегося общественной деятельностью (ἀπράγμονα), не благонамеренным гражданином, а бесполезным обывателем (ἀχρεῖον)» (Thuc. II, 40, 2).

В данном фрагменте подчеркивается, что в демократическом государстве граждане проявляют большой интерес к политике и принимают в ней активное участие. Показательно, что Перикл от лица всего народа осуждает тех, кто уклоняется от участия в политической жизни государства. Граждане, предпочитающие тихую незаметную жизнь, не достойны уважения. Активное участие в политике в городе с демократическим устройством является не только правом гражданина, но и его обязанностью.

Не последнее место в иерархии демократических ценностей занимает политическая добродетель, которая, согласно Периклу, проявляется в открытом обсуждении государственных дел и в принятии разумных решений. Перикл по этому поводу говорит следующее:

«Мы не думаем, что открытое обсуждение может повредить ходу государственных дел. Напротив, мы считаем неправильным принимать нужное решение без предварительной подготовки при помощи выступлений с речами за и против. В отличие от других, мы, обладая отвагой, предпочитаем вместе с тем сначала основательно обдумывать наши планы, а потом уже рисковать» (Thuc. II, 40, 2).

Рассматривая речь Перикла, необходимо понимать, что он безусловно несколько приукрашивает достоинства государственного строя Афин. Тем не менее, не приходится сомневаться в том, что рассуждения Перикла о демократии достаточно точно отражают характерные для нее ценности. Это активное участие в политической деятельности, равенство всех граждан перед законом, полисный патриотизм, политическая добродетель, сочетание созерцательной и деятельной жизни.

К числу важнейших источников по древнегреческой демократии также относятся «Афинская полития» и «Политика» Аристотеля. В «Афинской политии» сообщается о некоторых особенностях демократического строя. В частности, отмечается демократический характер законодательства Солона. Усматривая в политической пассивности большую угрозу демократическому строю Афин, Солон издал закон, который должен был обеспечить высокую политическую активность граждан. Автор «Афинской политии» сообщает об этом следующее:

«Видя, что в государстве часто происходят смуты, а из граждан некоторые по беспечности мирятся со всем, чтобы ни происходило, Солон издал относительно их особый закон: “Кто во время смуты в государстве не станет с оружием в руках ни за тех, ни за других, тот предается бесчестию и лишается гражданских прав”» (*Ath. pol.* 8, 5) (здесь пер. С. И. Радцига).

Данный закон свидетельствует о том, что уже в период формирования древнегреческой демократии в VI в. до н. э. ее сторонники ясно отдавали себе отчет в необходимости деятельного участия граждан в политической жизни государства. Это было важным условием существования демократической системы. Полноценное народовластие могло осуществляться только на основе политической активности граждан. Об этом говорится у Аристотеля в

«Политике». В частности, Аристотель сообщает об одной весьма распространенной практике в демократических полисах. Речь идет о денежном вознаграждении неимущим за участие в народном собрании и суде. Аристотель заявляет, что для того, чтобы побудить всех граждан на равной основе участвовать в политической жизни, необходимо неимущим «выплачивать вознаграждение за исполнение обязанностей», а состоятельных граждан «штрафовать за уклонение от них» (Pol. IV, 1297 a 40–42, пер. С. А. Жебелева). Все это еще раз доказывает то, что одной из главных демократических ценностей в Древней Греции было активное участие граждан в государственных делах.

Заключение

Как мы установили, в деятельности Фалеса, Анаксимандра и Гекатея просматривается демократическая ориентация. Для представителей Милетской школы характерно активное участие в общественно-политической деятельности, критическое отношение к тирании, стремление к политической добродетели, публичное обсуждение государственных дел, сочетание созерцательной и деятельной жизни, полисный патриотизм. Как мы показали, все эти ценности в наибольшей степени были свойственны древнегреческой демократии в период ее расцвета. При этом мы не утверждаем, что милетцы были убежденными сторонниками демократии. Во-первых, мы не располагаем соответствующими источниками. Во-вторых, не стоит забывать о том, что демократический строй в Древней Греции в VI в до н. э. находился еще в стадии формирования и не обрел своих классических черт. Поэтому, когда мы говорим о демократической ориентации милетцев, мы обращаем внимание только на те тенденции, которые прослеживаются в их деятельности. Мы допускаем, что в условиях реальной политической обстановки Фалес или Гекатей вполне могли выступать на стороне аристократических сил. Вполне возможно, что философы из Милета находились в оппозиции к народной партии. Однако, при отсутствии достоверных сведений мы не беремся спекулировать на эту тему. Важнее подчеркнуть следующее. Какие бы узкие партийные интересы не отстаивали представители Милетской школы, в их политической активности проявились те тенденции, которые были связаны со становлением демократии в поздний архаический период.

ИСТОЧНИКИ

- Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян. Второе издание. Пер. и прим. С. И. Радцига. Москва, 1937.
- Аристотель. Никомахова этика. Пер. с древнегреч. Н. В. Брагинской. Соч. в 4-х т. Т. 4. Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. Москва, 1983.
- Аристотель. Политика. Пер. С. А. Жебелева. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. Общ. ред. А. И. Доватура. Москва, 1983.
- Геродот. История в девяти книгах. Пер. Г. А. Стратановского. Под ред. С. Л. Утченко. Ленинград, 1972.
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Пер. М. Л. Гаспарова. 2-е изд. Москва, 1986.
- Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книги VIII–X: Фрагменты. Архаическая Греция. Рим эпохи царей. Пер. О. П. Цыбенко. СПб., 2012.
- Климент Александрийский. Строматы. Т. 1 (Книги 1–3). Издание подготовил Е. В. Афонасин. СПб., 2003.
- Лебедев, А. В. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Москва, 1989.
- Платон. Гиппий больший. Пер. А. В. Болдырева. Сочинения в четырех томах. Т. 1. Под ред. А. Ф. Лосева и В. ф. Асмуса. СПб., 2006.
- Платон. Государство. Пер. А. Н. Егунова. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1. Под ред. А. Ф. Лосева и В. ф. Асмуса. СПб., 2007.
- Платон. Теэтет. Пер. Т. В. Васильевой. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 2. Под ред. А. Ф. Лосева и В. ф. Асмуса. СПб., 2007.
- Плутарх. Солон. Пер. С. И. Соболевского. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3-х т. Т. 1. Издание подготовили С. П. Маркиш и С. И. Соболевский. Москва, 1961.
- Страбон. География в 17 книгах. Пер. Г. А. Стратановского. Под ред. С. Л. Утченко. Москва, 1964.
- Элиан. Пестрые рассказы. Пер. С. В. Поляковой. Москва, 1963.
- Цицерон. О дивинации. Пер. М. И. Рижского. Цицерон. Философские трактаты. Составил Г. Г. Майоров. Москва, 1985.
- Фукидид. История. Пер. Г. А. Стратановского. Издание подготовили Г. А. Стратановский, А. А. Нейхард, Я. М. Боровский. Ленинград, 1981.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Берве, Г. (1997) *Тираны Греции*. Ростов-на-Дону.
- Гатри, У. К. Ч. (2015) *История греческой философии в 6 т. Т. I: Ранние досократики и пифагорейцы*. Пер. с англ. под ред. и с прим. Л. Я. Жмудя. СПб., «Владимир Даль».
- Engmann, J. (1991) "Cosmic Justice in Anaximander," *Phronesis*, 36 (1), 1–25.

- Raaflaub, K. A. (2008) "Poets, lawgivers, and the beginnings of political reflection in archaic Greece," in C. Rowe, V. Schofield, eds. *The Cambridge History of Greek and Roman Political Thought*. Cambridge University Press. 23–59.
- Sinclair, T. A. (1967) *A History of Greek Political Thought*. Routledge & Kegan Paul.
- Vlastos, G. (1996) *Studies in Greek Philosophy. Volume I: The Presocratics*, ed. by D. W. Graham. Princeton University Press.
- Wright, M. R. (1988) "The Origins of Political Theory," *Polis: The Journal for Ancient Greek and Roman Political Thought*, 7 (2), 75–104.

References in Russian:

- Berve, G. (1997) *Tirany Grecii*. Rostov-na-Donu.
- Gatri, U. K. CH. (2015) *Istoriya grecheskoj filosofii v 6 t. T. I: Rannie dosokratiki i pifagorejcy*. Per. s angl. pod red. i s prim. L. YA. ZHmudya. SPb., «Vladimir Dal'».